

Д. И. Победаш*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ ЭДВАРДА КАРРА

ОДНИМ ИЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ современного политического реализма как теории международных отношений считается Эдвард Халлетт Карр (1892–1982). К сожалению, на русском языке отечественным исследователям доступны только краткие отрывки из его книги «Двадцатилетний кризис», чем, возможно, и объясняется отсутствие работ, рассматривающих вклад Э. Карра в развитие теории международных отношений. Целью данной статьи является самый общий обзор основных положений политического реализма Э. Карра, изложенных им в своей книге «Двадцатилетний кризис».

Как и многие другие последователи политического реализма, Э. Карр не был исключительно кабинетным теоретиком, но и принимал самое непосредственное участие в выработке внешнеполитических решений, а также в непосредственном их воплощении в жизнь. Так, в 1916–1936 гг. он работал в министерстве иностранных дел Великобритании (Форин Офис), входил в состав британской делегации на Парижской мирной конференции, затем был консультантом по отношениям с Лигой Наций, а с 1936 года руководил первой в мире кафедрой международных отношений в Университете Уэльса в Эйберисвите.

В 1939 году Карр публикует свою работу «Двадцатилетний кризис. 1919–1939. Введение в изучение международных отношений», которая считается одной из «первых попыток научного подхода к трактовке международной политики, основанного на реалистских традициях»¹.

По словам Карра, книга «Двадцатилетний кризис» создавалась с целью «противостоять всеобщей и чрезвычайно опасной тенденции оценки международной политики»². Данная тенденция – полное игнорирование фактора могущества в международной политике, распространилась, по мнению Карра, в англоговорящих странах, причем как в академических кругах, так и среди широкой публики. При переиздании книги в 1946 г. автор счел необходимым добавить, что подобные заблуждения, как выразился сам Карр, «хотя иногда и возрождаются при обсуждении элементов будущего мироустройства, но в основном преодолены». Именно поэтому некоторые утверждения книги, как считает сам Карр, стали в 1946 г. «чрезмерно односторонними и категоричными», хотя в 1939 г. они были уместными и необходимыми. Критика Карра, направленная против политического идеализма, не была сведена в стройную теорию, однако его работа считается одним из первых трудов, легших в основу политического реализма.

Идеализм, по мнению Карра, характерен для любой зарождающейся научной дисциплины. Когда человеческий разум открывает новое поле, то сначала фокусируется на желаемом, на собственных целях и чаяниях. Только когда первона-

* Победаш Дмитрий Иванович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

¹ Цыганков А. П., Цыганков П. А. Социология международных отношений: Анализ российских и западных теорий: Учебное пособие для студентов вузов. М., 2006. С. 95.

² Carr E. H. The Twenty Years' Crisis 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. L., 1946. P. vii-viii.

чальные прожекты оказываются несостоятельными, исследователи переходят на более реалистические позиции, умеряют свои утопические пожелания и идеалы, сопоставляя их с результатами эмпирического описания реальности.

Как полагает Карр, противостояние утопии и реальности может быть сопоставлено с противостоянием свободы воли и детерминизма. Утопист верит в возможность более или менее радикального отвержения существующей реальности и насильственной замены ее своей утопией. Реалист анализирует predetermined ход развития, изменить который он не в силах. Утопист обращается к будущему, мыслит терминами спонтанного творчества; реалист обращен к прошлому, мыслит в терминах причинно-следственных связей.

Признавая, что тезис «справедливость – это право сильнейшего» был известен еще в античной Греции, Карр все же первым значимым политическим реалистом считает Никколо Макиавелли. Начало XV главы «Государя» Карр считает осуждением утопизма в политическом мышлении. В отрывке, на который ссылается Карр, Макиавелли пишет: «несравненно удобнее при описании какого-нибудь предмета рассматривать его реальную сущность, а не отдаваться мечтательным увлечениям. Многие писатели изображали государства и республики такими, какими им никогда не удавалось видеть их в действительности. К чему же служили такие изображения? Между тем, как живут люди, и тем, как должны они жить, – расстояние необъятное; кто для изучения того, что должно бы быть, пренебрежет изучением того, что есть в действительности, тем самым вместо сохранения приведет себя к гибели»³.

По мнению Карра, именно Макиавелли впервые выдвинул три следующих основных принципа, которые легли в основу политического реализма: 1) история – последовательность причин и следствий, ее ход можно анализировать и понимать, но не направлять с помощью своего воображения (как полагают утописты) 2) не теория создает практику (как полагают утописты), а практика – теорию; 3) не политика является производной от морали (как заявляют утописты), а мораль насаждается политически доминирующей группой. Фактически, мораль – продукт власти⁴.

Таким же образом дело обстоит и на международной арене. Теории международной морали являются продуктом доминирующей группы, которая ассоциирует себя со всем сообществом в целом и обладает возможностью навязать свою точку зрения всему сообществу. И в двадцать первом веке вполне актуальным остается следующее суждение Карра: «На протяжении последнего столетия, и особенно после 1918 года, англо-говорящие народы сформировали доминирующую группу в мире. Современные теории международной морали созданы с тем, чтобы увековечить их превосходство, а также сформулированы свойственным только этим народам языком»⁵. Карр разъясняет данное положение на примере якобы всеобщего стремления к миру. На самом же деле стремление к миру означает, что одни страны хотели бы сохранить статус-кво, причем им не пришлось бы за это сражаться, другие же страны стремятся изменить статус-кво, но, опять же, чтобы им не пришлось за это сражаться.

Сложившийся якобы консенсус относительно всеобщей ценности мира используется доминирующей страной или группой стран, продолжает свои рассуждения Карр. Так же как правящий класс в обществе выступает за поддержание

³ *Макиавелли Н.* Государь; Рассуждения о первой декаде Тита Ливия; О военном искусстве: Сборник / Н. Макиавелли / Пер. с ит. 2-е изд. М., 2005. С. 76.

⁴ *Carr E. H.* The Twenty Years' Crisis 1919–1939. P. 63.

⁵ *Ibid.* P. 79–80.

мира и спокойствия внутри страны, что должно обеспечить его собственные безопасность и ведущее положение, так же и мир во всем мире соответствует интересам ведущих держав. В прошлом, под личиной *Pax Romana* и *Pax Britannica* миру навязывались римский и британский империализм. Когда же нет одной державы, способной доминировать в мире, и главенствующая роль принадлежит группе стран, появляются лозунги «коллективной безопасности», «мира во всем мире». Данные лозунги призваны продемонстрировать совпадение интересов доминирующей группы стран, выражающихся в сохранении мира (*peace*), с интересами всего мира (*world*) как сообщества в целом.

Интересно, что Карр признает, что данные интересы в некоторых случаях действительно могут совпадать. Тем не менее, слишком часто привилегированные группы стараются дискредитировать своих оппонентов, обвиняя их в нарушении мира. Эта тактика постоянно используется как внутри стран, так и на международной арене. Работодатели, поддерживаемые всеми капиталистическими средствами массовой информации, всегда стремились изобразить любое профсоюзное движение в защиту прав трудящихся как антисоциальное, ведущее к развязыванию насилия.

Далее Карр применяет ту же логику к современным ему международным событиям. 30 января 1930 г., выступая в рейхстаге, Гитлер заявил, что не может поверить, будто Бог разрешил некоторым государствам сначала захватить мир с помощью силы, а затем защищать награбленное с помощью морализаторских теорий. По мнению Карра, в данном случае Гитлер просто применил в другом контексте марксистские тезисы о несовпадении интересов эксплуататоров и эксплуатируемых, о буржуазной морали, защищающей интересы правящего класса.

Как во внутренней политике призывы к сплочению нации, ее единению, всегда озвучиваются доминирующей группой, которая использует их для того, чтобы укрепить свой контроль над страной, так и призывы к международной солидарности и единению идут от тех доминирующих стран, которые надеются контролировать объединенный мир.

Последовательно используя диалектический метод, Карр приходит к следующему логическому выводу: действительно, в определенном смысле, все государства и индивиды заинтересованы в мире, порядке и сотрудничестве, несмотря на наличие противоречивых интересов. Тем не менее, попытки воплотить, казалось бы, общие для всех идеалы мира и порядка в конкретной политической ситуации превращаются в более или менее замаскированное преследование своих эгоистических интересов.

Несмотря на то, что Карр считается одним из основателей современного политического реализма, немало места в своей работе он отводит критической его оценке, утверждая, что «Один из наиболее очевидных и наиболее любопытных уроков политической науки состоит в невозможности последовательного реализма»⁶. Последовательный реализм, по мнению Карра, исключает следующие 4 момента, абсолютно необходимые для успешного политика: достижимая конечная цель, апеллирование к эмоциям, право вынесения морального суждения, основание для действия.

Идея непрерывного политического процесса не может быть эффективно использована в реальной политике, где требуется конкретная достижимая цель. Например, для Макиавелли такой целью было освобождение Италии, для Маркса – уничтожение капитализма. Однако подобные цели невозможно вывести из са-

⁶ Carr E. H. Op. cit. P. 89.

мого реализма как такового, они являются элементами утопизма. Как выражается сам Карр, «Так утопизм проникает в цитадель реализма»⁷.

Достижение конечной цели требует от политика обращения к эмоциям, к иррациональному, что реализм сам по себе не может ни объяснить, ни оправдать.

Последовательный реализм подразумевает принятие исторического процесса в целом и отвергает вынесение какого-либо морального суждения. Тем не менее, очевидно, что люди, как правило, склонны судить события прошлого, осуждая неудачи и восхваляя успехи.

И, самое главное, Карр считает, что последовательный реализм не дает какой-либо основы для целенаправленных действий. Если последовательность причин и следствий достаточно очевидна, чтобы выработать «научные предсказания» относительно будущего, если наши мысли и действия однозначно определяются нашим положением и интересами, то последовательному политическому реалисту остается только пассивно наблюдать за фактически предопределенным процессом.

В конечном итоге, политическое мышление должно сочетать элементы утопии и реальности. Реализм оказывает неоценимую услугу, развенчивая утопизм, когда последний становится ширмой, прикрывающей преследование интересов доминирующей группой. Однако сам реализм в чистом виде ничего не может предложить, кроме неприкрытой борьбы за власть, что делает невозможным существование какого-либо международного общества. Поэтому, полагает Карр, разрушив существующую утопию с помощью реализма, необходимо строить новую утопию, которая, в свою очередь, также впоследствии будет разрушена с помощью реализма. Человечество будет постоянно искать выход из тупика, в который его логически ведет реализм, пытаясь создать определенный миропорядок. Однако, как только такой порядок кристаллизуется в конкретной политической форме, он начинает использоваться для прикрытия частных эгоистических интересов. Данное положение вещей вновь необходимо подвергнуть критике, используя реализм.

Признавая значимость фактора силы в международных отношениях (однако, постоянно оговариваясь, что данные отношения бессмысленно сводить только к силовому противостоянию), Карр настаивает на значимости различных взаимосвязанных составляющих могущества. Кроме военной мощи, по его мнению, в международной политике чрезвычайно важны экономическое могущество, а также сила идей, власть над общественным мнением.

Карр также рассматривает отношение реализма и идеализма к вопросу морали в международных отношениях. По его мнению, реалисты считают, что государство не связано какими-либо моральными обязательствами по отношению к другим государствам, утописты – что государства должны следовать тем же моральным нормам, что и индивиды⁸.

Интересно замечание Карра по поводу того, существует ли международное сообщество. По его словам, международное сообщество существует лишь постольку, поскольку люди рассуждают, а в определенных пределах и действуют, таким образом, как если бы подобное сообщество существовало⁹.

В конечном итоге, Карр предполагает в каждой конкретной политической ситуации поиск диалектического единства реализма и утопизма. По его словам, утопично игнорировать фактор силы, однако нереалистичен реализм, игнори-

⁷ Carr E. H. Op. cit. P. 90.

⁸ Ibid. P. 154.

⁹ Ibid. P. 162.

рующей роль морали в международных отношениях. Невозможно полагаться только на силу, поскольку против грубой неприкрытой силы люди всегда будут восставать¹⁰.

Итак, в своей работе Карр выступил с последовательной критикой идеализма, полностью отвергавшего элемент силового принуждения в политике и концентрировавшегося на создании утопических организаций, призванных управлять международными отношениями с точки некоей универсальной морали. Несмотря на свою критику идеализма, Карр четко обозначил ограниченность политического реализма, подчеркивал необходимость использования обоих подходов в принятии политических решений.

¹⁰ Carr E. H. Op. cit. P. 235.